

Парижская театральная хроника

Пьеса Жан-Люка Лагарса
в «Открытом театре».
Режиссер Станислас Нордей

«Я была дома и ждала, когда начнется дождь... Я смотрела на дорогу и думала о всех тех годах, что мы прожили здесь, о годах, что мы потеряли в не-

Жан-Люк Лагарс (слева),
Станислас Нордей (справа).

подвижности, и о времени, что я могла провести вдалеке отсюда, где была бы уже другая жизнь, без ожидания...» — так начинается пьеса Жан-Люка Лагарса «Я была дома и ждала, когда начнется дождь», квинтет для пяти женских голосов с участием — в интермеццо — мужской партии.

Жан-Люк Лагарс — режиссер, драматург, создатель и директор «Компани дю Рулотт» — был человеком театра в полном смысле этого слова. Его внезапная смерть в 1995 году в возрасте 38 лет от «болезни века» создала дополнительный ореол вокруг его имени и прежде всего вокруг его драматургии, заставила сопоставить его с именами самых значительных драматургов современности — Тома Бернара, например, или Бернара-Мари Коллетеса.

Пьеса «Я была дома...» была написана в 1994 году по заказу «Открытого театра», руководимого Люсьеном Аттуном, и поставлена на его сцене режиссером Станисласом Нордеем. «Открытый театр» можно назвать театром современной пьесы, вся деятельность которого направлена на открытие новых имен в драматургии, а тридцатилетнего Нордея, осуществившего всего за несколько лет 10 значительных спектаклей, — режиссером, выражающим поколение 90-х годов, подобно тому, чем была для поколения 60-х Ариадна Мнушкина, Жорж Лаводан — для поколения 70-х и Патрис Шеро — для 80-х.

Театр Нордея ориентирован больше на современную драматургию, но так, что современная драма трактуется с отстраненностью и эпичностью, чувством «большого стиля», обычно присущего классике.

Пьеса «Я была дома...» — откровенно камерная, и Нордей ставит ее на маленькой камерной сцене, впрямую примыкающей к зрительному залу. То, что между исполнителями и зрителем нет никакого среднего, нейтрального пространства, создает особую, странную доверительную атмосферу для этой, в общем-то, универсальной истории, рассказанной Лагарсом.

Пять актрис, пять женщин, названных автором «Самая старая», «Мать», «Младшая сестра», «Средняя сестра», «Старшая сестра», играют драму ожидания шестого, отсутствующего персонажа — «Юного брата». Юного брата, выгнанного суровым отцом из этого дома много лет назад, много лет ожидаемого в этом доме и вот наконец вернувшегося и упавшего без сил у порога своего дома.

Откуда он вернулся, неясно. Зачем? — Наверное, чтобы умереть: в монологах пятерых женщин речь часто идет о смерти, хотя ничего не утверждается однозначно. Он спит где-то наверху, в своей комнате, а пять женщин тут, внизу, делят свою любовь к нему, свое обожание, которое все эти годы, без единой весточки от него, поддерживало их в жизни и составляло их жизнь. Пять женских судеб, пять актрис, пять партий в спектакле, выстроенном Станисласом Нордеем как музыкальное произведение, медленный танец (вроде паваны) женщин вокруг постели спящего. Крики и шепоты; сведение счетов и последние разбирательства — как будто бы его возвращение прорвало давно сдерживаемые эмоции и слова; и надежда на последнее, мучительное освобождение, которое, возможно, наступит вместе с его смертью.

В их ожидании есть что-то от ожидания сестер из «Смерти Тентажиля» Метерлинка, но без всякого налета мистицизма, без надрыва, без попыток проникнуть за ту сторону таинственной черты: языку Лагарса свойственна ясная простота, очень поэтически емкая, наполненная, без вычурности. Вычурность позволяет себе режиссер — вставку в середину пьесы отрывка из романа Пруста «В поисках утраченного времени», который читает по книге единственный мужской персонаж в спектакле — Жан-Жак Симонян.

Заметны и отсылки к другим авторам. Когда Старшая сестра в финале настойчиво предлагает всем уехать, чтобы начать новую жизнь, как не вспомнить чеховских «Трех сестер». Наконец, во всей этой ситуации долгого извечного ожидания непонятно чего присутствует тень бехетовского Годо. Но стилию Жан-Люка Лагарса вовсе не свойственна

откровенная цитатность, все эти аллюзии возникают ненавязчиво.

Весь текст Нордей разложил на пять голосов, на пять актрис, воплощающих разные стороны женской природы: Мадлен Марион — Самая старая (наверное, мудрость), Вероника Нордей — Мать (всепоглощающая страдающая материнская любовь), Валери Ланг — Старшая сестра (растрченная, неудовлетворенная женственность), Сара Шометт — Средняя (женская таинственность) и Младшая — Мари Кариес (чистота и наивность ребенка). Собрав на этот спектакль актрис очень разного уровня и диапазона (многолетний профессор Консерватории Мадлен Марион и начинающая Мари Кариес) и распределив пять женских ролей между самыми ему близкими людьми (роль Матери исполняет его мать Мадлен Марион, Вероника Ланг — его подруга жизни, а Сара Шометт и Мари Кариес — лучшие друзья детства), Нордей сумел сложить их индивидуальности в единый слаженный ансамбль и придать происходящему дополнительный эмоциональный характер.

Рассуждения о мистике - бессилен - искусство - искусство - искусство